

риал. С одной стороны, царевичу угрожало то, что „головушка“ его „будет воткнута на оставшей тычинке“, с другой стороны — шестиглавый змей, прилетевший к королевской дочери, „хотел царевича пожрать“. Эта несогласованность между собою различных моментов фабулы сказки о Силе царевиче ясное свидетельство более позднего проникновения в нее несвойственных этому типу сказок элементов содержания.

Далее, сцена усмирения жены в „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ также является позднейшим замещением первоначального текста. Это — сцена усмирения девы-воительницы. В сказке о деве-воительнице она стоит на своем месте, так как она входит в самый замысел сказки, составляет существенную часть ее интриги. В сказке же о Силе царевиче она не играет этой роли. Она даже находится в противоречии с фабулой этой сказки: обыкновенная женщина, королевская дочь, не обладает богатырской силой, она не может угрожать герою, роковой для героя может быть только борьба со змеем. В сцене брачной ночи в сказке о Силе царевиче мы, таким образом, наблюдаем механическое соединение эпизодов двух различных по своему происхождению сказок, причем усмирение героини здесь — явно вторичная черта.

Наличие подобных замещений и изменений первоначального текста в „Сказке о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке“ говорит о бытовании этой сказки в русском фольклоре, так как только в устной традиции могли появиться подобного рода замещения первоначальных эпизодов равнозначными им в развитии фабулы эпизодами. То, что эти изменения произошли на русской почве, легко обнаруживается благодаря почти буквальному текстуальному совпадению одного из этих эпизодов в обеих сказках — сказке о Силе царевиче и сказке о деве-воительнице.

„Слушай, Сила царевичь, когда ты ляжеш на постелю с твоею супругою, то не моги ты до нея прикоснуться... А когда она *наложит* на твою грудь свою руку, и тебе будет тяжело, то ты вскочи с своей постели...“¹

„Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первая три ночи станет она вашу силу пытаться, *наложит свою руку* и станет крепко-крепко давить; *вам ни за что не стерпеть!* *Втепоры уходите поскорей из комнаты...*“²

Вопрос о создании „Повести о купце, купившем мертвое тело“ на основе народной русской сказки не вызывает сомнения, так как сама эта сказка под разными названиями известна в ряде записей XIX и XX вв. Устно-народные ее варианты сохраняют первоначальный состав сказки с различной степенью полноты. Лучшие из них это — Садовн. № 5³ и Худяков, № 122.⁴ В них представлены все основные

¹ Издание ОЛДП, вып. 49, 1880, стр. 5—6.

² А. Н. Афанасьев Народные русские сказки. Гослитиздат, 1938, т. II, № 199, стр. 139.

³ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 41—50.

⁴ И. А. Худяков. Великорусские сказки. СПб., 1862, вып. 3, стр. 165—168.